

Л. Л. Косинская
РАННЯЯ ГРЕБЕНЧАТАЯ КЕРАМИКА В НЕОЛИТЕ ЗАУРАЛЬЯ

УДК 903.022(470.58)“634”

ББК 63.442.14(235.55)

В статье рассматривается проблема происхождения гребенчатой орнаментальной традиции в раннем неолите лесных районов Зауралья и Западной Сибири. Группы керамики, декорированной в технике печатной, шагающей и проташенной гребенки, образуют самостоятельные комплексы (еттовский тип) и присутствуют в составе многокомпонентных комплексов, сочетаясь с посудой прочерченно-накольчатого стиля орнаментации (амнинской, кошкинской, кокшаровско-юрьинской и др.). Рассмотренные материалы относятся к начальному периоду неолита (ранний неолит-1) конца VII — первой четверти/первой трети VI тыс. до н.э. по калиброванной шкале. Типологически гребенчатая керамика имеет много общего с другими типами посуды, но и обладает своими особенностями. Таким образом, подтверждается гипотеза 1980-х гг. об одновременном формировании в Зауралье гребенчатой и прочерченно-накольчатой орнаментальных традиций. Но вопрос о происхождении данного культурного компонента в раннем неолите региона остается открытым. Синхронные и более ранние комплексы с керамикой гребенчатого стиля на окружающих территориях не дают полных аналогий и не вносят ясности в проблему его генезиса.

Ключевые слова: *Зауралье, Западная Сибирь, лесная зона, ранний неолит, керамика с гребенчатым орнаментом, культурогенез*

Проблема происхождения керамических культур раннего неолита Урала и Западной Сибири оживленно дискутируется на протяжении ряда лет. Она включает такие сюжеты, как характер и механизмы культурогенеза, происхождение керамического производства, истоки и становление орнаментальных керамических традиций. Ведущие специалисты не без основания отстаивают первичность и господство в раннем неолите Зауралья прочерченно-отступающе-накольчатой орнаментальной традиции, представленной комплексами с керамикой кошкинского и кокшаровско-юрьинского (козловского) типов¹ или, по другой версии, боборыкинского типа.² Однако есть еще один, далеко не новый, сюжет в проблематике раннего неолита — о керамике с гребенчатым орнаментом, об истоках и развитии гребенчатой орнаментальной традиции.

¹ См.: Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2008. Вып. 25. С. 39–42; Шорин А. Ф. Стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского Холма в Среднем Зауралье // РА. 2000. № 3. С. 88–101.

² См.: Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск, 2009. С. 145–149.

Возможность возникновения такой орнаментации одновременно с прочерченно-отступающе-накольчатой на раннем этапе зауральского неолита предполагали М. Ф. Косарев,³ В. Ф. Старков⁴ и другие исследователи, подчеркивая ее незначительный вес и подчиненное значение в орнаментальных схемах. В настоящее время ситуация изменилась: в нескольких локальных районах обнаружены группы гребенчатой керамики в составе многокомпонентных (Варга 2, Исток IV, Амня I и др.) и самостоятельных (Ет-то I) комплексов, получивших очень ранние радиоуглеродные датировки.

Поводом для возвращения к этой теме послужило возобновление исследований ранне-неолитического поселения Ет-то I, расположенного на Надым-Пуровском водоразделе (Надымский район ЯНАО). Установлено, что три из четырех раскопанных жилищ (жилища 3, 4, 5) составляли поселение, специализированное как камнеобрабатывающая мастерская неполного цикла у источников сырья и функционировавшее в теплое время года, тогда как жилище 2 могло представлять собой сезонный промысловый комплекс,

Косинская Любовь Львовна — к.и.н., в.н.с. Центра археологических исследований Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)
E-mail: ver2142@yandex.ru

³ Косарев М. Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 269.

⁴ Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. С. 200.

Таблица

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТИРОВКИ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО НЕОЛИТА
С ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Культурный тип	Памятник	Объект	Место отбора образца, глубина	Лаборатория индекс	^{14}C , ВР	cal BC, 68,2% вероятности	Образец	Источник публикации
Еттовский	Поселение Ет-то I	жилище № 4	стенка котлована, гл. 30–35 см	ЛЕ-6595	7200±120	6215-5925	уголь	Косинская 2005, 20
		жилище № 4	стенка котлована, гл. 45 см	ЛЕ-6596	6880±80	5839-5665	уголь	там же
		жилище № 4	стенка котлована, гл. 25–30 см	ЛЕ-6594	6740±65	5713-5565	уголь	там же
		жилище № 5	канавка в северном углу южной камеры, гл. 110-115 см	SPB-891	7566±100	6510-6260	уголь	публикуется впервые
		жилище № 5	канавка в полу южной камеры, гл. 120 см	SPB-892	5216±120	4240-3840	уголь	публикуется впервые
		пожарная прослойка над жил. 5	углистая прослойка над котлованом, гл. 45–50 см	ЛЕ-6592	5840±40	4773-4621	уголь	Косинская 2005, 20

Примечание: SPB-892 — невалидные даты; **5216±120** — даты, не соответствующие археологической хронологии

приуроченный к холодному сезону. Судя по радиоуглеродным датам,⁵ хронологический разрыв между двумя периодами обитания на памятнике был значительным. В то же время характер каменной индустрии и конструкция жилищ свидетельствуют в пользу культурной близости, если не идентичности, всех изученных комплексов.⁶ Ранний возраст мастерской подтвержден новой датой по углю из жилища 5: SPB-891 7566±100 (6510–6340, 6320–6260 cal BC, 68,2 % вероятности). Дата выглядит слегка заниженной, но не выходит за пределы самых глубоких ранненеолитических датировок в регионе.

⁵ См.: Косинская Л. Л. Поселение Ет-то I и некоторые проблемы неолита севера Западной Сибири // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития: материалы Всерос. науч. конф. Салехард, апрель 2005. Екатеринбург: Салехард, 2005. С. 21.

⁶ См.: Косинская Л. Л. Неолит Надым-Пуровского водораздела: источники и проблематика // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. № 3 (23). С. 240–245.

В свое время оригинальный набор типологических признаков построек, керамики и каменного инвентаря поселения привел к выделению его в еттовский культурный тип.⁷ Действительно, жилища еттовского типа отличает своеобразная конструкция: прямоугольные котлованы глубиной 0,8–1,2 м разделены в придонной части материковой перемычкой на две небольшие камеры, по периметру которых в дно врезана канавка — основание деревянной обшивки стенок, дно присыпано охрой, углубленный выход начинается от перемычки. Площадь котлованов 15–25 м², но размеры жилищ больше за счет неуглубленной части вокруг котлованов (рис. 1). Каменный инвентарь характеризуется отщеповой техникой ударного и контрударного расщепления широкого спектра твердых пород, минимальным набором морфологически выраженных орудий, включающим,

⁷ См.: Косинская Л. Л. Поселение Ет-то I... С. 21.

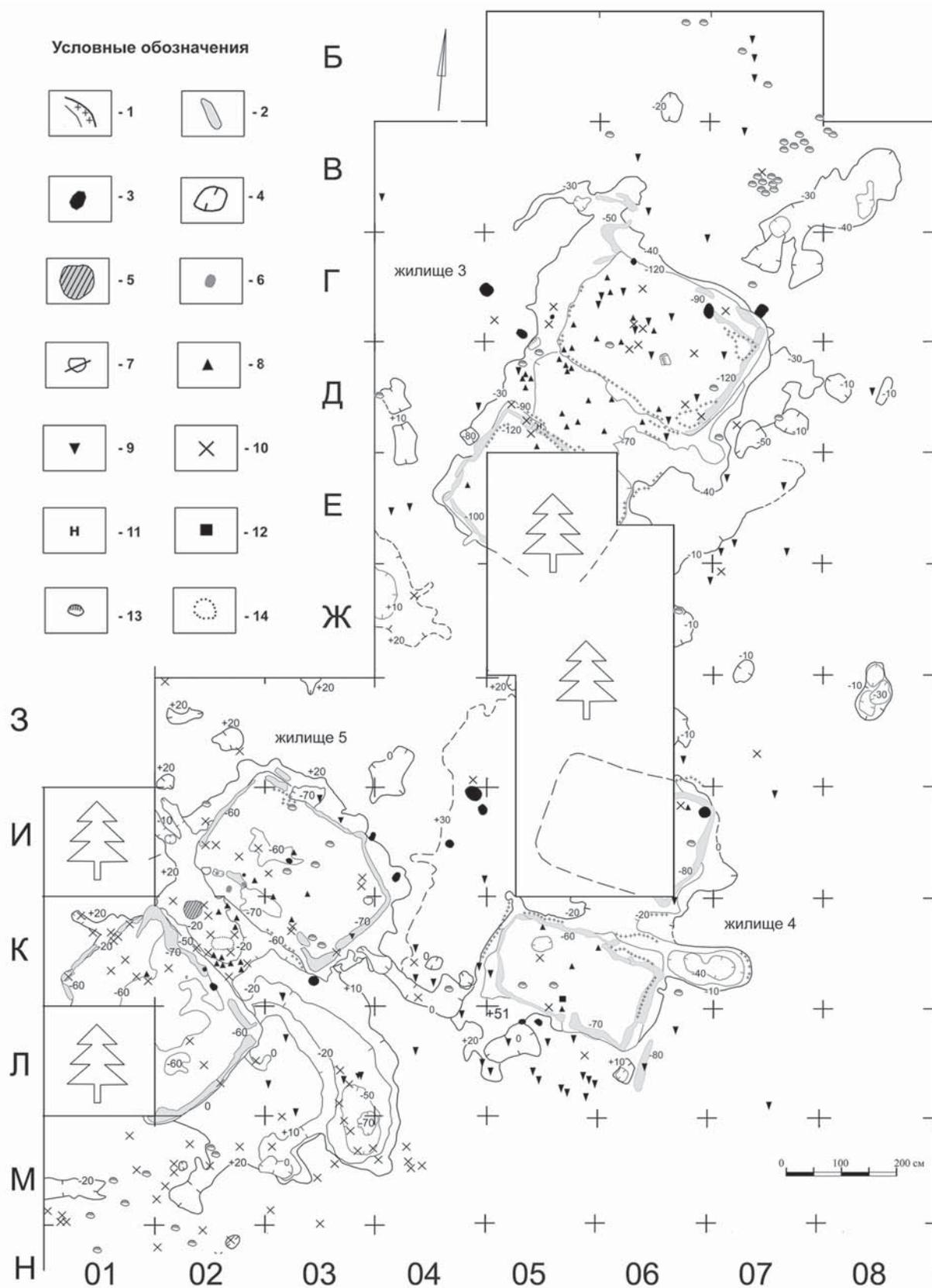

Рис. 1. Поселение Эт-то I. План жилищ 3–5

Условные обозначения: 1 — контуры жилищ и углы; 2 — канавка; 3 — столбовая ямка; 4 — яма; 5 — очажная яма; 6 — пятно охры; 7 — развал сосуда; 8 — фрагмент керамики; 9 — нуклеус, расщепленная галька; 10 — скол; 11 — шлифованный наконечник стрелы; 12 — абразив; 13 — галька, валун; 14 — скопление кальцинированных костей

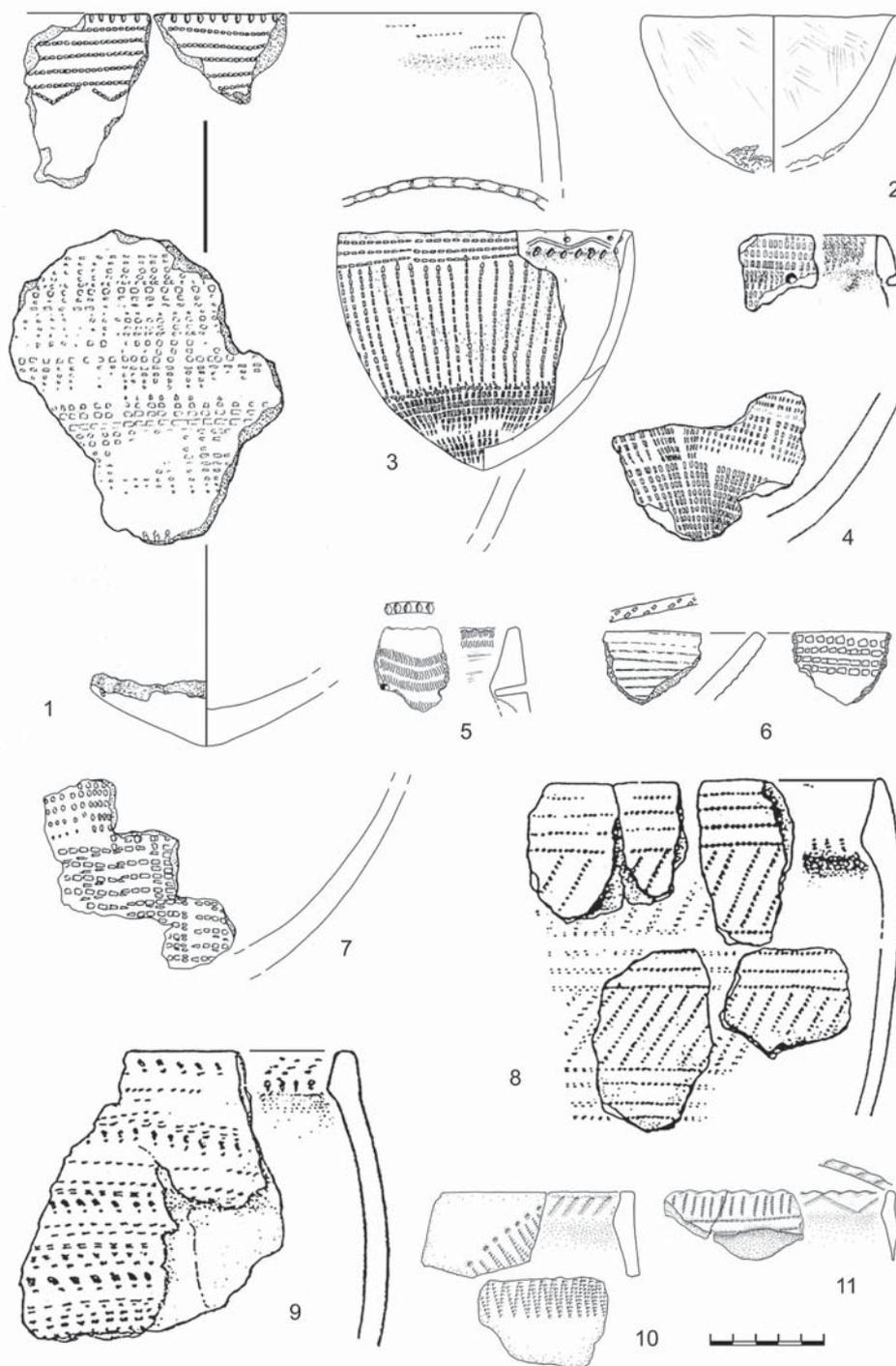

Рис. 2. Керамика с гребенчатым орнаментом

1–7 — с поселения Эт-то I; 8, 9 — с городища Амня I (по: Морозов, Стефанов, 1993, с. 157; Стефанов, Борзунов, 2008, с. 108); 10, 11 — со стоянки Варга 2 (по: Жилин и др., 2007, с. 57)

в частности, шлифованный наконечник стрелы и абразивы.

В жилище 2 керамика отсутствовала, жилища 3, 4, 5 дали небольшую коллекцию — фрагменты 9 сосудов (рис. 2, 1–7), средней величины (диаметр по венчику 28–29 см) и небольших (диаметр 11 см, высота 6–7 см), полувальцевидной формы с приостренным или округлым дном. Один из фрагментов, возмож-

но, принадлежит открытому сосуду ладьевидной формы (рис. 2, 6). Венчики уплощенные, большинство с выраженным наплывом изнутри. Стенки толстые — 0,8–0,9 см. Посуда изготовлена из глины с примесью шамота, органического раствора и мелкой дресвы. Внутренняя поверхность гладкая, изредка на ней встречаются «расчесы» гребенчатым шпателем, внешняя — гладкая, иногда лощеная.

Один небольшой сосуд покрыт «расчесами» снаружи, но не орнаментирован (рис. 2, 2), остальные декорированы по всей внешней поверхности и по наплыву с внутренней стороны венчика. Основные узоры выполнены длинными гребенчатыми штампами с прямоугольными зубцами в технике шагания и штампования. Наколы нанесены на одном сосуде по краю венчика, наплывы декорированы оттисками гребенчатого штампа или прочерченной волной в сочетании с наколами. Основными мотивами еттовской керамики являются горизонтальные прямые линии и зигзаги, горизонтальные и вертикальные ряды шагающей гребенки. Насколько можно судить, композиции построены по горизонтальному принципу, орнаментация плотная. Выделение орнаментальных зон достигалось путем смены мотива, техники орнаментации; встречаются и незаполненные зоны. «Шагающий» декор тяготеет к нижней части сосудов.

Поселение Ет-то I — пока единственный памятник с комплексом однородной гребенчатой керамики. Территориально и типологически ближайшие аналогии ей обнаруживаются на городище Амня I в бассейне Казыма, имеющем близкие радиоуглеродные даты. Сосуды с гребенчатым орнаментом (более половины всей керамической коллекции) образуют единый комплекс с прочерченно-накольчатой посудой амнинского типа. Керамика толстостенная (1,0–1,1 см), тесто двух типов — из неотсортированной и хорошо сортированной глины, с добавлением дресвы, шамота и органического раствора.⁸ Гребенчатую керамику с городища Амня I отличает плотное заполнение орнаментального поля и простые композиции из горизонтальных линий, поясов наклонных или вертикальных отпечатков штампа, зигзагов; подобные композиции выполнялись и прочерчиванием.⁹ Отличие амнинской гребенчатой посуды от еттовской заключается в господстве техники штампования, шагающая гребенка представлена единично (рис. 2, 8, 9).

Авторы раскопок подчеркивают отсутствие жесткой зависимости между технологией изготовления, морфологическими особенностями и орнаментацией гребенчатой и прочерченно-накольчатой керамики, что свидетельствует о смешении разных культурных традиций. В жилищах 1–4 городища Амня I и вокруг них не выявлено разницы в условиях залегания гребенчатой и прочерченной керамики. Однако в жилище 9, расположенном за пределами укреплений, как и в жилище 1 поселения Кирип-вис-юган 2, встречена только круглодонная посуда, украшенная в прочерченно-накольчатой манере.¹⁰

Дальнейший поиск аналогий резонно ограничить хронологически. Анализ накопленного к настоящему времени массива радиоуглеродных датировок археологических памятников Зауралья и Западной Сибири позволяет выделить группу наиболее ранних комплексов, тяготеющих к интервалу конца VII — первой четверти/трети VI тыс. до н. э. (ранний неолит-1).¹¹ Более поздняя группа лежит в пределах второй — третьей четверти VI тыс. до н. э. (ранний неолит-2).

Поселение Ет-то I (жилища 3–5) и оба амнинских памятника относятся к раннему неолиту-1. В этом хронологическом диапазоне известны и другие комплексы, где присутствует гребенчатая керамика или элементы гребенчатого декора. Так, в Сургутском Приобье это поселение Каюково 2 (каюковская культура). Для него характерны плоскодонные сосуды с открытой или закрытой горловиной, орнаментированные преимущественно в технике отступающей палочки. Но один сосуд полностью декорирован печатной гребенкой, на двух сосудах оттисками гребенчатого штампа выполнены вертикальные разделительные линии, еще на двух имеются оттиски двузубого штампа.¹² На поселении Барсова Гора II/9, вероятно близком в культурном отношении каюковским, также обнаружены плоскодонные сосуды. Часть их орнаментирована отступающей палочкой и прочерчиванием, другие — шагающей гребенкой, а вертикальные линии в их придонной части выполнены

⁸ См.: Васильева И. Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 2011. Вып. 26. С. 118; Морозов В. М., Стефанов В. И. Амня I — древнейшее городище северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. Вып. 21. С. 155.

⁹ См.: Морозов В. М., Стефанов В. И. Указ. соч. С. 157–159; Стефанов В. И., Борзунов В. А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 109, 110.

¹⁰ См.: Стефанов В. И., Борзунов В. А. Указ. соч. С. 106; Стефанов В. И., Морозов В. М., Погодин А. А. Кирип-вис-юган 2 — памятник амнинского типа (к вопросу о неолите Прикаспия) // Источники по археологии Западной Сибири. Сургут, 2005. С. 24.

¹¹ Здесь и далее используется калиброванная шкала.

¹² См.: Ивасько Л. В. Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 18–21.

протаскиванием гребенчатого штампа.¹³ Даты жилищ 15 и 16 укладываются в ранний неолит-1, жилища 7 — в ранний неолит-2.

Таким образом, на заре северного западно-сибирского неолита комплексы с гребенчатой керамикой существовали как самостоятельно, так и в сочетании с инокультурным компонентом — прочерченно-накольчатый стилем орнамента.

Двигаясь на юг вдоль Уральского хребта, обнаружим, что в Северном Зауралье на поселении Нижнее озеро III на дне жилищ вместе с керамикой сатыгинского и кошкинского типов залегала сумпаньинская (с сочетанием прочерчено-накольчатого и гребенчатого декора). Хронологическая позиция этих комплексов, очевидно, требует уточнения, поскольку жилища датированы по углю от второй половины VII до середины V тыс. до н. э., а фрагменты керамики сатыгинского и кошкинского типов из жилищ — второй половиной — концом VI тыс. до н. э.¹⁴ Даты жилищных комплексов сумпаньинской культуры Конды (поселения Сумпанья II, IV, VI и др.), на которых впервые и был выделен стилистический тип керамики с двойной орнаментацией и где он сочетается с группами прочерченной и шагающе-гребенчатой керамики, ложатся в хронологический интервал раннего неолита-2.¹⁵ Близкие датировки имеют и наиболее ранние памятники Верхней Конды — Шоушма 10 и Большая Умытъя 8, в керамических комплексах которых присутствуют сосуды, орнаментированные печатной и протасченной гребенкой.¹⁶

¹³ См.: Чемякин Ю. П. Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или Двадцать лет спустя // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2009. С. 198–213; Он же. Радиоуглеродные даты памятников Барсовой Горы // ВАУ. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 247–249.

¹⁴ См.: Чаиркина Н. М. Культурно-хронологическая специфика неолитических комплексов Северного Зауралья // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. СПб., 2009. С. 180, 181; Чаиркина Н. М., Дубовцева Е. Н. Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее озеро III. В печати.

¹⁵ См.: Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири // ВАУ. Свердловск, 1984. Вып. 17. С. 32–44; Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А. Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 80–99; Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии / В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева, П. М. Долуханов, А. М. Шукуров. СПб., 2004. С. 123.

¹⁶ См.: Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А. Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А. Н. Сорокина. М., 2012. С. 503, 506.

В Среднем Зауралье основной пласт раннего неолита образуют памятники с керамикой кошкинского и кокшаровско-юринского (козловского) типов с прочерченно-отступающе-накольчатой орнаментацией. По заключению А. Ф. Шорина, даты, полученные по керамике Кокшаровского холма (как кошкинской, так и кокшаровско-юринской) распадаются на два хронологических интервала — первой половины VI тыс. до н. э. и его второй половины,¹⁷ — что, в целом, соответствует двум хронологическим группам раннего неолита в других локальных районах. На 15 % сосудов кокшаровско-юринского типа отступающе-накольчатые узоры сочетаются с оттисками гребенчатого штампа, образующими в основном разделительные зоны.¹⁸ Правда, остается неясным, к которой из двух хронологических групп относятся эти сосуды.

В рамках обсуждаемой проблемы чрезвычайно важным памятником является стоянка Варга 2 (Шигирский торфяник) благодаря безупречной стратиграфической и планиграфической ситуации неолитического комплекса: в слое торфа вокруг двух кострищ залегала посуда кошкинского и кокшаровско-юринского типов в сопровождении керамики с гребенчатым орнаментом. Слой надежно датирован ранним неолитом-1 по углю, древесине и нагару на фрагменте кокшаровско-юринского типа в интервале 6020–5660 cal BC, что помещает стоянку в группу наиболее ранних памятников Среднего Зауралья. Четыре сосуда с гребенчатым орнаментом (рис. 2, 10, 11) имеют прикрытую горловину, округлые и плоские венчики с коротким напылом изнутри; форма дна не известна. Диаметр сосудов 17–25 см, стенки гладкие, толщина их 0,4–0,9 см. В тесте визуально определена примесь талька и слюды. Горизонтальные пояса орнамента состоят из наклонных, вертикальных и горизонтальных прямых линий, выполненных оттисками гребенчатого штампа или техникой шагающей гребенки. Элементы гребенчатого декора отмечены и на отдельных сосудах кошкинского и кокшаровско-юринского типов этой стоянки.¹⁹

¹⁷ См.: Шорин А. Ф., Шорина А. А. Хронология полуденских комплексов Кокшаровского холма // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа, 2010. С. 116; Они же. Радиокарбонные даты Кокшаровского холма // ВАУ. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 249–254.

¹⁸ См.: Шорин А. Ф. Указ. соч. С. 95.

¹⁹ Варга 2. Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). Екатеринбург, 2007. С. 51, 52.

Не менее интересен для рассматриваемой темы комплекс I (жилища 3, 6) поселения «VIII пункт» на Андреевском озере. Приземистые закрытые полуяйцевидные сосуды с толщиной стенок 0,6–0,8 см имеют выраженный наплыв изнутри под венчиком, рыхлое тесто с примесью шамота и плотный орнамент из горизонтальных и вертикальных лент шагающей гребенки, поверх которых нанесены редкие прочерченные волнистые линии, реже — из горизонтальных поясов проташенной гребенки; под венчиком обычно нанесен ряд ямок. В состав комплекса I входят и сосуды с отступающе-накольчатый орнаментом, на которых оттисками гребенчатого штампа выполнены горизонтальные и вертикальные разделительные зоны. Автор исследования небезосновательно сравнивает этот комплекс с сумпаньинской керамикой Конды и предполагает ранний (в пределах неолита) его возраст, но дата, полученная по углю со дна жилища 6, слишком занижена и соответствует раннему мезолиту.²⁰

В хронологическом диапазоне раннего неолита-2 самостоятельные комплексы с гребенчатой посудой в Среднем Зауралье пока не известны. Но на некоторых памятниках она залегает вместе с керамикой кошкинского облика. Так, на поселении Исток IV около 10 % посуды орнаментировано шагающей и печатной гребенкой; по морфологическим и технологическим признакам она не отличается от кошкинской.²¹ На поселении Мергень 6 в составе кошкинского комплекса присутствует пять сосудов, орнаментированных шагающей и печатной гребенкой.²² Аналогичная ситуация зафиксирована на поселении Охотино,²³ материалы которого, к сожалению, подробно не опубликованы и не датированы.

Итак, на сегодняшний день вырисовывается следующая картина. В начале неолита на территории лесного Зауралья и Западной Сибири фиксируются группы керамических комплексов с различающимися технологически-

ми и орнаментальными традициями. С одной стороны, это посуда с дрсевой и/или песком и органическими добавками в тесте (керамические типы козловской культуры: романовский, кокшаровско-юринский), с другой — керамика с шамотом и органическими веществами, часто в сочетании с песком (все остальные керамические типы: амнинский, каюковский, кошкинский, сатыгинский, еттовский). В морфологическом аспекте остро- и округлодонной полуяйцевидной посуде (козловская культура и гребенчатая керамика различных поселений) противостоят комплексы, в состав которых входит плоскодонная керамика (амнинский, каюковский, сатыгинский и кошкинский типы).

По орнаментальному стилю выделяется три группы. Посуда первой группы украшена в технике шагающей и печатной гребенки, реже — проташенной. Сосуды, как правило, толстостенные, с обязательным наплывом под венчиком, с плотной орнаментацией по всей внешней поверхности, с простыми композициями, построенными исключительно по горизонтальному принципу, и с полным отсутствием скульптурного орнамента (еттовский тип и гребенчатая керамика других памятников). Вторую группу образует керамика с отступающей, прочерченной и кольчатой орнаментацией, выполненной стержнем и двузубым штампом. Для нее также характерны наплывы под венчиком. Плотный орнамент построен по горизонтальному принципу с элементами вертикальной зональности (вертикальные разделители в верхней трети сосудов), типичны древовидные узоры, взаимопроникающие заштрихованные треугольники, рельефные налесты и «ушки» на венчиках (керамика козловской культуры). Третью группу составляет плоскодонная керамика, украшенная в технике прочерчивания, отступания и накола стержнем. Для этой посуды более, чем для керамики первой и второй групп, характерны различные геометрические узоры и вертикальная зональность, встречаются валики. Наплывы под венчиком либо гипертрофированы, либо редуцированы (амнинский, каюковский, сатыгинский типы). Посуда второй и третьей групп часто сопровождается керамическими изделиями: ложилами и абразивами, мелкой пластикой, «утюжками». Керамика кошкинского типа сочетает морфологические и стилистические признаки второй и третьей групп. Добавим, что наплыв изнутри по венчику — сугубо зауральская

²⁰ См.: Усачева И. В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001. С. 120–124, 131.

²¹ См.: Стефанова Н. К. Исток IV — неолитический памятник Тюменского Приоболья // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 137–140.

²² См.: Зах В. А., Скочина С. Н. Ранний комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (по материалам 1990, 2002 и 2004 гг.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2009. № 11. С. 23.

²³ См.: Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Указ. соч. С. 40, 42.

черта, в целом нетипичная для керамики сопредельных регионов.

Нетрудно заметить, что некоторые морфологические признаки (форма сосудов и венчиков) сближают гребенчатую керамику с прочерченно-отступающе-накольчатой посудой козловской культуры. Значит ли это, что гребенчатая керамика является лишь ее стилистическим типом, вариантом? Или это раннее проявление иной культурной традиции, получившей развитие в раннем неолите-2 и продолжение в позднем неолите в виде керамики полуденской, сосновоостровской и других культур? Перечисленные выше различия самой керамики и особенности сопровождающего инвентаря свидетельствуют, скорее, в пользу второго предположения. Сосуществование гребенчатой керамики с двумя другими группами, видимо, породило взаимовлияния, выразившиеся во внедрении «чужих» декоративных элементов в орнаментальные схемы.

Каково же происхождение этого культурного компонента? Некоторые авторы ограничиваются тезисом о местном происхождении гребенчатой керамики,²⁴ другие считают ее появление результатом переноса аборигенных орнаментальных традиций на новый вид изделий — керамику, производство которой было заимствовано местным населением у пришельцев-мигрантов — носителей прочерченно-накольчатой орнаментальной традиции.²⁵ В этом отношении интересна концепция И. В. Калининой, рассматривающей гребенчатую орнаментацию с позиции единства исторической технологии и исторической семантики. С одной стороны, формирование уральской гребенчатой орнаментальной традиции тесно связано с приспособлением навыков декорирования к естественным зубчатым орнаментам (челюстям мелких животных), широко применявшимся в неолитических культурах региона. С другой стороны, плотные гребенчатые оттиски, «расчесы», шагание — распространенный прием уплотнения стенок сосуда, а в содержательном аспекте он служит обозначением шкуры, «одевающей» и «охраняющей» сосуд.²⁶ В таком случае распространение естественных орнаментов действительно может оказаться свидетельством местной переработки

и переосмысления заимствованной традиции. Но, по мнению Е. Н. Дубовцевой,²⁷ естественные зубчатые орнаменты зафиксированы пока только в комплексах раннего неолита-2, а на начальном этапе применялись исключительно искусственные гребенчатые штампы (правда, характер двузубого орнамента — маркера керамических комплексов раннего неолита-1 — пока не установлен).

Допустима и альтернативная гипотеза — о появлении гребенчатой керамики в результате внешнего культурного импульса. В этом случае необходим поиск культур с более ранней или синхронной гребенчатой керамикой на сопредельных территориях. Один из районов распространения гребенчатой керамики с ранними датами — Южное Предуралье (поселение Муллино II). Посуда сходна с зауральской керамикой примесью шамота в тесте, формой сосудов, горизонтальной зональностью узоров. Имеются и существенные отличия: отсутствие напыла на венчиках и, главное, характер гребенчатых штампов, изготовленных из створок раковин.²⁸

Севернее располагается другой ареал гребенчатой керамики — камская неолитическая культура Среднего и Северного Предуралья. Ее керамика имеет много общих черт с зауральской, таких как полуяйцевидная форма сосудов, напылы под венчиком (технология их формовки в позднем неолите отличается от зауральской,²⁹ технологические же исследования напылов на ранней керамике не проводились), горизонтальная зональность узоров и др. Серия дат, полученная по фрагментам керамики камских стоянок, указывает на значительно более молодой возраст — не древнее 4800 cal BC.³⁰ Единственным памятником, даты которого укладываются в хроноинтервал раннего неолита-1, является местонахождение Пезмог IV на Средней Вычегде.³¹ Результаты анализа

²⁷ Kosinskaya L. L., Dubovtseva E. N., Zanina V. V. Ceramic Origins: The Eastern and Southern 'Peripheries'. Trans-Urals (with some discussion of Western Siberia). В печати.

²⁸ См.: Матюшин Г. Н. Неолит Южного Урала. Предуралье. М., 1996. С. 65–76.

²⁹ См.: Калинина И. В., Устинова Е. А. Опыт использования метода экспериментального моделирования для технологического анализа керамики по материалам неолитических памятников Полуденка I и Хуторская стоянка // Археологический сборник Гозрмитажа. Л., 1988. Вып. 29. С. 6–17.

³⁰ См.: Лычагина Е. Л. К вопросу о радиоуглеродном датировании по керамике (по итогам датирования памятников Верхнего и Среднего Прикамья) // Первобытные древности Евразии: К 60-летию А. Н. Сорокина. М., 2012. С. 456–458.

³¹ См.: Карманов В. Н. Неолит Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2008. С. 65–66.

²⁴ См.: Морозов В. М., Стефанов В. И. Указ. соч. С. 166.

²⁵ См.: Зах В. А. Указ. соч. С. 149.

²⁶ См.: Калинина И. В. Очерки по исторической семантике. СПб., 2009. С. 95–117.

разных образцов (нагара на сосуде, угля из слоя, вмещающих отложений) совпадают и представляются вполне надежными, но противоречат сложившимся представлениям о возрасте камской культуры. Тем не менее, эту параллель с ранней керамикой Зауралья нельзя не принять во внимание, и, быть может, следует поставить вопрос о возможных ранних истоках камского гребенчатого неолита.

Еще одна археологическая культура выявлена на Алтае. На поселении Тыткескень-2 (горизонты VII и VI) посуда с гребенчатым орнаментом, представляющая самостоятельный очаг керамического производства (7050–5470 cal BC), по своим характеристикам во многом отличается от зауральской. В тесте, наряду с шамотом и песком, присутствует примесь шерсти; венчики без напылов, некоторые отогнуты наружу, образуя профилированное горло; орнамент состоит из оттисков длинных тонких гребенчатых штампов и коротких, более крупных, шагающая гребенка отсутствует. Кремневые наконечники стрел горизонта VI свидетельствуют о контактах с кельтеминарским населением, но гребенчатый орнамент для раннего кельтеминара не характерен.³²

Типологически гораздо более полные аналогии представляет керамика усть-каренгской культуры в верховьях Витима (бассейн Лены).³³ Однако ее датировка, соответствующая позднему плейстоцену (аллерёду), выглядит ошеломляющей, если принять во внимание технологическое совершенство и устоявшиеся морфологические и декоративные стереотипы усть-каренгской посуды. Территориальная и хронологическая отдаленность материалов Витима и Зауралья, отсутствие раннеолитических находок на почти не изученной территории междуречий Оби и Енисея, Енисея и Лены пока не позволяют поддержать заманчивую гипотезу о восточносибирских истоках гребенчатой традиции Зауралья. Правда, существует предложение В. М. Ветрова учитывать несколько чрезвычайно глубоких, «выпадающих»¹⁴ дат зауральских памятников, сопоставимых с усть-каренгскими.³⁴ На них обращает внимание и И. В. Усачева.³⁵ Думается, эти данные требуют тщательной проверки, поскольку в корне расходятся с существующими представлениями о времени формирования уральского неолита.

Lyubov L. Kosinskaya

Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ver2142@yandex.ru

EARLY COMB TYPE CERAMICS IN THE NEOLITHIC OF THE TRANS-URAL

The article addresses the problem of origin of the comb type ornamented ceramics tradition in the early Neolithic of the forest regions of the Trans-Ural and Western Siberia. Groups of ceramics items decorated with impressed, stepping and dragged comb formed independent complexes (Yet-to type) and were present within the multi-component complexes in combination with the drawn-pinprick style pottery (Amnya, Koshkino, Koksharovsko-Yurjinskaya, etc). The studied materials belonged to the early period of the Neolithic (early Neolithic-1) of the end of the 7th — first quarter / first triens of the 6th millennium BC according to calibrated scale. Typologically the comb type ceramics had a lot in common with other types of pottery, however it also had its own specifics. Thus it may be taken as an evidence confirming a 1980s hypothesis about contemporaneous evolution of the comb type and the drawn-pinprick ornamental traditions in the Trans Ural. An issue of the origin of this cultural component in the early Neolithic of the region still remains open. Neither synchronous nor earlier comb style ceramics complexes in the surrounding territories produced complete similarities, or helped clarifying the problem of its genesis.

³² См.: Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул, 2008. С. 32, 41, 92, 327, 328.

³³ См.: Ветров В. М. Проблемы сходства в технике изготовления и орнаментации сосудов ранних керамических комплексов Северной Евразии // Современные проблемы археологии России: материалы Всерос. археол. съезда. Т. 1. Новосибирск, 2006. С. 173–176; McKenzie H. G. Review of Early Hunter-Gatherer Pottery in Eastern Siberia // *Ceramics before Farming: The Dispersal of Pottery among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers*. London, 2009. P. 177–179.

³⁴ См.: Ветров В. М. Указ. соч. С. 174.

³⁵ Усачева И. В. Указ. соч. С. 131, 132.

Key words: *Trans-Urals, Western Siberia, forest zone, Early Neolithic, comb-incised ware, cultural genesis*

REFERENCES

- Chairkina N. M. *Vzaimodeystvie i khronologiya kultur mezolita i neolita Vostochnoy Evropy* [Interaction and chronology of the Mesolithic and Neolithic cultures of Eastern Europe]. St. Petersburg, 2009, pp. 179–181. (in Russ.).
- Chemyakin Yu. P. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi autonomous okrug in the mirror of the past]. Tomsk, Khanty-Mansiysk: TomGU Publ., 2009, pp. 198–213. (in Russ.).
- Chemyakin Yu. P. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions archaeology Urals]. Ekaterinburg; Surgut: Magellan Publ., 2011, Issue 26, pp. 247–249. (in Russ.).
- Ivasko L. V. *Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoy Sibiri* [Materials and research on the history of the North-Western Siberia]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 2002, pp. 7–25. (in Russ.).
- Kalinina I. V. *Ocherki po istoricheskoy semantike* [Essays on historical semantics]. St. Petersburg: SPbGU Publ., 2009, 272 p. (in Russ.).
- Karmanov V. N. *Neolit Evropeyskogo Severo-Vostoka* [Neolithic European North-East]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN Publ., 2008, 226 p. (in Russ.).
- Kiryushin Yu. F., Kiryushin K. Yu. *Kulturno-khronologicheskie komplekсы poseleniya Tytkesken-2 (itogi rabot 1988–1994 gg.)* [Cultural and chronological complexes settlement Tytkesken-2 (results of the work 1988–1994)]. Barnaul: AIGU Publ., 2008, 335 p. (in Russ.).
- Klementeva T. Yu., Kruzement S. A., Pogodin A. A. *Pervobytnye drevnosti Yevrazii* [Primitive ancient Eurasia]. Moscow: IA RAN Publ., 2012, pp. 497–524. (in Russ.).
- Kosarev M. F. *Arkheologiya. Neolit Severnoy Yevrazii* [Archaeology. Neolithic Northern Eurasia]. Moscow: Nauka Publ., 1996, pp. 253–269. (in Russ.).
- Kosinskaya L. L. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya (Tomsk State University Journal. History)*, 2013, № 3 (23), pp. 240–245. (in Russ.).
- Kosinskaya L. L. *Yamal mezhdru proshlym i budushchim: priority razvitiya* [Yamal between past and future: priorities for development:] *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Proceedings of the scientific conference]. Ekaterinburg; Salekhard: “RA ARTmedia” Publ., 2005, pp. 3–21. (in Russ.).
- Kovaleva V. T., Ustinova Ye. A., Khlobystin L. P. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions archaeology Urals]. Sverdlovsk: UrGU Publ., 1984, Issue 17, pp. 32–44. (in Russ.).
- Kovaleva V. T., Zyryanova S. Yu. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions archaeology Urals]. Ekaterinburg; Surgut: Magellan Publ., 2008, Issue 25, pp. 30–43. (in Russ.).
- Krizhevskaya L. Ya., Gadzhieva Ye. A. *Neoliticheskie pamyatniki Urala* [Neolithic sites of the Urals]. Sverdlovsk: UrO AN SSSR Publ., 1991, pp. 80–99. (in Russ.).
- Lychagina Ye. L. *Pervobytnye drevnosti Yevrazii* [Primitive ancient Eurasia]. Moscow: IA RAN Publ., 2012, pp. 455–464. (in Russ.).
- Matyushin G. N. *Neolit Yuzhnogo Urala. Preduralye* [Neolithic of the Southern Urals. Urals]. Moscow: IAiE RAN Publ., 1996, 302 p. (in Russ.).
- McKenzie H. G. *Ceramics before Farming: The Dispersal of Pottery among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers*. London: University College, 2009, pp. 167–208. (in English).
- Morozov V. M., Stefanov V. I. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions archaeology Urals]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 1993, Issue 21, pp. 143–170. (in Russ.).
- Shorin A. F. *Rossiyskaya arkheologiya* (Russian archaeology), 2000, № 3, pp. 88–101. (in Russ.).
- Shorin A. F., Shorina A. A. *Kulturnye oblasti, arkheologicheskie kultury, khronologiya* [Cultural areas, archaeological culture, chronology] *XVIII Uralskoe arkheologicheskoe soveshchanie* [XVIII Ural archaeological meeting]. Ufa: BGPU Publ., 2010, pp. 115–117. (in Russ.).
- Shorin A. F., Shorina A. A. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions archaeology Urals]. Ekaterinburg; Surgut: Magellan Publ., 2011, Issue 26, pp. 249–254. (in Russ.).
- Starkov V. F. *Mezolit i neolit lesnogo Zauralya* [Mesolithic and Neolithic Urals forest]. Moscow: Nauka Publ., 1980, 219 p. (in Russ.).
- Stefanov V. I., Borzunov V. A. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priobja* [Barsova Gora: ancient taiga Priobja]. Ekaterinburg; Surgut: Uralskoe izdatelstvo Publ., 2008, pp. 93–111. (in Russ.).

- Stefanov V. I., Morozov V. M., Pogodin A. A. *Istochniki po arkheologii Zapadnoy Sibiri* [Sources on the archaeology of Western Siberia]. Surgut: RIO SurGPU Publ., 2005, pp. 19–33. (in Russ.).
- Stefanova N. K. *Neoliticheskie pamyatniki Urala* [Neolithic sites of the Urals]. Sverdlovsk: UrO AN SSSR Publ., 1991, pp. 132–143. (in Russ.).
- Timofeev V. I., Zaytseva G. I., Dolukhanov P. M., Shukurov A. M. *Radiouglerodnaya khronologiya neolita Severnoy Yevrazii* [Radiocarbon chronology of Neolithic Northern Eurasia]. St. Petersburg: Teza Publ., 2004, 157 p. (in Russ.).
- Usacheva I. V. *Problemy izucheniya neolita Zapadnoy Sibiri* [Problems of studying the Neolithic Western Siberia]. Tyumen: IPOS SO RAN Publ., 2001, pp. 116–133. (in Russ.).
- Vasileva I. N. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions archaeology Urals]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 2011, Issue 26, pp. 103–124. (in Russ.).
- Vetrov V. M. *Sovremennye problemy arkheologii Rossii* [Modern problems of archaeology Russia] *Materialy Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda* [Materials of All-Russian archaeological congress]. Novosibirsk: IAiE SO RAN Publ., 2006, Vol. 1, pp. 173–176. (in Russ.).
- Zakh V. A. *Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishimya* [Chronostratigraphy Neolithic and early metal Tobol-Ishim forest]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2009, 320 p. (in Russ.).
- Zakh V. A., Skochina S. N. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* (The Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography), 2009, № 11, pp. 16–28. (in Russ.).
- Zhilin M. G., Antipina T. G., Zaretskaya N. Ye., Kosinskaya L. L., Kosintsev P. A., Panova N. K., Savchenko S. N., Uspenskaya O. N., Chairkina N. M. *Varga 2. Ranneneoliticheskaya stoyanka v Srednem Zaurale (opyt kompleksnogo analiza)* [Varga 2. Early Neolithic sites in the Middle Zauralie (experience in complex analysis)]. Ekaterinburg: Rezhevskoy pechatnyy dom Publ., 2007, 98 p. (in Russ.).
- Kalinina I. V., Ustinova E. V. *Arkheologicheskiy sbornik Goermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage]. Leningrad, 1988, Issue 29, pp. 6–17. (in Russ.).